

Доказывание при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах: оптимизация или упрощение?

Аннотация. Анализируя содержание норм УПК РФ, регламентирующих сокращенные формы производства по уголовным делам (дознание в сокращенной форме, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, в том числе при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), автор приходит к выводу о том, что сокращение производства достигается не вследствие упрощения процедур, а за счет сокращения предмета доказывания, что влечет за собой крайне негативные последствия для всей системы уголовного судопроизводства. В статье предлагаются иные пути рационализации процесса доказывания: отказ от стадии возбуждения уголовного дела с ее «непроцессуальными» проверочными действиями и использование уголовно-процессуальной формы с момента регистрации сообщения о преступлении; унификация процедур собирания и представления доказательственной информации, существующих в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах, что обеспечит возможность использования одного и того же источника доказательств в производстве по уголовному, гражданскому делу или делу об административном правонарушении без необходимости дополнительно придавать ему новую процессуальную форму, соответствующую той или иной отрасли процессуального права.

Ключевые слова: доказывание; дознание в сокращенной форме; досудебное соглашение о сотрудничестве; особый порядок принятия судебного решения.

DOI: 10.17803/1994-1471.2015.61.12.147-154

При анализе появившихся за последние несколько лет в УПК РФ сокращенных форм производства по уголовному делу — дознание в сокращенной форме (глава 32.1), особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40), особый порядок принятия судебного решения при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1) — обращает на себя внимание последовательность законодателя в направлении упрощения процесса доказывания по уголовному делу: приме-

нение сокращенной формы дознания согласно ст. 226.9 УПК РФ предусматривает последующее упрощенное судебное разбирательство (в особом порядке, предусмотренном ст. 316 УПК РФ), равно как и заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым (обвиняемым) предполагает, что уголовное дело в отношении этого лица будет выделено в отдельное производство и рассмотрено судом также в особом порядке.

Сопоставление оснований и условий для применения сокращенных форм производст-

© Калугин А. Г., 2015

* Калугин Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника института по учебной работе, Сибирский юридический институт Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков

[alexei_kalugin@mail.ru]

660131, Россия, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20

ва по уголовному делу, изложенных в ст. 226.1 и 314 УПК РФ, приводит к выводу об их почти полном сходстве:

- наличие инициативного ходатайства подозреваемого (обвиняемого);

- признание вины (согласие с предъявленным обвинением);

- отсутствие спора между сторонами обвинения и защиты по поводу допустимости и достоверности доказательств вины, а также их достаточности для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причиненного им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления.

В главе 40.1 УПК РФ эти условия специально не оговариваются, однако очевидно, что без инициативного ходатайства подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве не сможет появиться предусмотренное ст. 317.5 УПК РФ представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Также очевидно, что в случае несогласия обвиняемого с предъявленным обвинением постановление приговора в особом порядке станет невозможным даже при наличии досудебного соглашения о сотрудничестве и выполнении всех его условий.

Таким образом, ключевым моментом, определяющим возможность применения сокращенных процедур производства по уголовному делу как в досудебном производстве, так и в стадии судебного разбирательства, фактически является признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины и отсутствие претензий к собранным против него доказательствам.

Судебное следствие в этой схеме как таковое отсутствует, то есть доказательства, собранные стороной обвинения в процессе предварительного расследования, не проверяются в суде на допустимость и достоверность; суд не оценивает и их достаточность для постановления обоснованного обвинительного приговора. Соответственно, резко возрастает риск судебной ошибки при постановлении обвинительного приговора, поскольку возрастает вероятность того, что

в основу приговора будут положены доказательства, полученные с нарушением закона или просто сфальсифицированные.

Широкое применение этой схемы в судебной практике провоцирует снижение качества работы профессиональных участников уголовного судопроизводства — следователей, дознавателей, адвокатов, прокуроров и судей — и их профессиональную деформацию. Прямым следствием этого неизбежно становится снижение стандартов доказывания в уголовном судопроизводстве.

В качестве еще одной проблемы можно обозначить фактическое исключение из процесса доказывания по уголовным делам, расследованным и рассмотренным судом в сокращенных формах, обстоятельств, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Как при сокращенном порядке производства дознания, так и при судебном разбирательстве уголовного дела в особом порядке орган дознания и суд практически избавлены от обязанности исследовать обстоятельства, указанные в п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (на это указывают ч. 3 ст. 226.5 и ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Более того, ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ даже не дает возможности стороне защиты при ознакомлении с материалами уголовного дела по окончании дознания заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в этой части. Анализ же содержания ст. 226.7 «Окончание дознания в сокращенной форме» приводит к окончательному выводу, что единственным итоговым решением дознавателя по уголовному делу может быть лишь направление его прокурору с обвинительным постановлением.

Несмотря на то что п. 4 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ оставляет прокурору право принять решение о прекращении поступившего от дознавателя уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 24, 25, 27, 28 и 28.1 УПК РФ, это право носит скорее символический характер, так как в материалах уголовного дела доказательств, указывающих на наличие этих оснований, вероятнее всего, просто не будет, если только дознаватель не

соберет их по собственной инициативе (как уже было сказано выше, от обязанности это делать его освобождает ст. 226.5 УПК РФ).

По той же причине и суд будет фактически лишен возможности применить указанные выше нереабилитирующие основания для прекращения уголовного дела, хотя по смыслу ст. 254 УПК РФ для него, в отличие от органов расследования и прокурора, это не право, а обязанность. Косвенно об этом свидетельствует п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»: глава 40 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения, в частности о прекращении уголовного дела, «если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств». То есть при наличии в деле таких доказательств для их исследования суду придется перейти к общему порядку судебного разбирательства, а при их отсутствии единственным итоговым решением по делу остается приговор.

Таким образом, заявляя ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме, подозреваемый, получая гарантированные законом определенные преференции при назначении наказания, фактически лишается шансов на освобождение от уголовной ответственности.

Сказанное выше приводит к убеждению, что, вводя в уголовно-процессуальное законодательство те или иные сокращенные процедуры, законодатель избрал не самый правильный путь: сокращение достигается за счет отказа от доказывания обстоятельств совершенного преступления в рамках состязательной процедуры судебного следствия, от проверки и оценки доказательств, указывающих на причастность обвиняемого к этому преступлению и его виновность. Выигрыш же, достигнутый такой ценой, на самом деле не столь уж существенен: сокращается лишь время, затраченное на судебное разбирательство.

Сокращенная форма дознания тоже не лишена подобного изъяна. Анализ ст. 226.5 УПК РФ с очевидностью свидетельствует

о том, что сокращение дознания достигается не только и не столько за счет формального сокращения срока его производства, сколько за счет сокращения предмета доказывания: по существу, дознаватель вправе не заниматься установлением обстоятельств, указанных в п. 3, 5, 6, 7, 8 ч. 1 и в ч. 2 ст. 73 УПК РФ, и даже не проверять доказательства, если они не оспариваются стороной защиты.

Но, пожалуй, наиболее острой проблемой является исключение законодателем из предмета доказывания самого факта и обстоятельств совершения преступления при рассмотрении в особом порядке уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Уголовное дело в отношении него подлежит выделению в отдельное производство (п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ) и рассмотрению на основании представления прокурора в особом порядке. При этом в предмет исследования в судебном заседании входят лишь обстоятельства, связанные с результативностью содействия, оказанного подсудимым органам расследования в рамках заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве. Обстоятельства совершения преступления, инкриминированного подсудимому, при условии его согласия с предъявленным обвинением при рассмотрении уголовного дела в особом порядке судом не исследуются.

Однако, поскольку досудебное соглашение о сотрудничестве заключается, как правило, с кем-то из соучастников организованной преступной деятельности, становится вполне очевидным, что предусмотренные п. 1—3 ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ обстоятельства, входящие в предмет судебного разбирательства в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, объективно не могут быть достоверно установлены в рамках особого порядка судебного разбирательства, по крайней мере до вынесения приговора по «основному» делу и полного, всестороннего исследования обстоятельств всех эпизодов преступной деятельности, которые были выявлены и доказаны с помощью данного подсудимого. Ведь только после этого может быть установлена подлинная роль его самого в преступной организации и полнота выполнения

обязательств, данных при заключении досудебного соглашения, либо, наоборот, выявлен факт дачи им заведомо ложных показаний в отношении своих соучастников¹.

Соответственно, возникает вопрос: является ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве безальтернативным основанием для выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено такое соглашение, в отдельное производство и рассмотрения его в особом порядке?

С одной стороны, ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ определяет, что особенности, предусмотренные главой 40.1 УПК РФ, применяются при расследовании уголовного дела, выделенного в отдельное производство. Поскольку к числу этих особенностей относится само заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, а также составление прокурором по окончании расследования представления о рассмотрении данного уголовного дела в особом порядке, можно сделать вывод о том, что положения главы 40.1 УПК РФ в целом распространяются только на уголовные дела, выделенные в отдельное производство на основании п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»² также указывает на обязательность выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Следует обратить внимание на то, что ч. 2 ст. 154 УПК РФ допускает выделение уголовного дела в отдельное производство, если это не отразится на всестороннем и объективном расследовании и рассмотрении в суде уголовного дела, но эта норма действует лишь в тех случаях, когда необходимость в

выделении связана с большим объемом дела или множественностью эпизодов. Если же выделение дела в отношении одного из обвиняемых в отдельное производство обусловлено заключением с этим лицом досудебного соглашения, условие всесторонности и объективности расследования и рассмотрения уголовного дела в суде может и не соблюдаться.

Если все же придерживаться требования о всестороннем и полном исследовании обстоятельств дела в судебном разбирательстве, то вначале судом должно быть разрешено по существу «основное» дело, а уже затем, с учетом установленных приговором суда юридических фактов, станет возможно рассмотрение в особом порядке выделенного из него уголовного дела в отношении того из обвиняемых, с кем заключено досудебное соглашение о сотрудничестве.

Но тогда неизбежно возникает следующий вопрос: каков процессуальный статус обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, при рассмотрении «основного» дела — может ли он выступать в качестве свидетеля со стороны обвинения или же он продолжает оставаться обвиняемым (подсудимым), поскольку правовая оценка его собственного участия в преступной деятельности судом первой инстанции еще не дана? Похоже, выхода из этого заколдованного круга законодатель не нашел. В результате в п. 16 уже упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 предложен единственно логичный для данной законодательной конструкции подход: при рассмотрении в особом порядке выделенного уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд исследует лишь материалы, касающиеся действий подсудимого по выполнению взятых на себя обязательств. Доказательства же преступлений, совершенных как им самим, так и лицами, которых он помог изобличить, в предмет судебного разбирательства по выделенному делу не входят вообще, достаточно лишь признания подсудимым вины в тех преступлениях, которые инкриминированы лично ему. Таким образом, приговор по выделенному делу не основан на судебном исследовании обстоя-

¹ Калугин А. Г. Недостатки юридической конструкции института досудебного соглашения о сотрудничестве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений) : материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. М. : АУ МВД России, 2015. Ч. 1. С. 341—342.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9. С. 20.

ятельств совершенного обвиняемым преступления. Если при этом выделенное уголовное дело рассматривается судом раньше «основного», то в исследовании и правовой оценке выполнения обязательств, предусмотренных досудебным соглашением, нет никакого смысла, поскольку сами преступления, расследованием которых обусловлено сотрудничество в рамках досудебного соглашения, еще не стали предметом исследования в суде и не получили правовой оценки в приговоре.

Из сказанного выше напрашивается вывод либо о бессмысленности выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство, либо о недопустимости рассмотрения такого уголовного дела судом прежде, чем будет постановлен приговор по делу «основному», имеющий в данной ситуации преюдициальное значение.

Наряду с описанными проблемами, созданными законодателем сравнительно недавно, в правоприменительной практике сохраняются в полном объеме такие застарелые болезни, унаследованные от советского уголовного процесса, как утрата доказательственной информации вследствие несвоевременного возбуждения уголовных дел или незаконного отказа в их возбуждении, неоправданное затягивание сроков доследственной проверки и предварительного расследования, нарушения законности на начальном этапе уголовного судопроизводства, при рассмотрении сообщений о преступлениях.

С учетом сказанного представляется, что для решения проблемных вопросов, связанных со сроками производства по уголовным делам, с ограниченной «пропускной способностью» российской системы уголовного судопроизводства, следует выбрать иные способы процессуальной экономии, основанные прежде всего на рационализации порядка собирания и проверки доказательств.

В частности, несмотря на расширение перечня следственных действий, производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), а также несмотря на возможность использования в доказывании при производстве дознания

в сокращенной форме сведений, полученных непроцессуальным путем при проведении доследственной проверки, существующий сегодня порядок проверки сообщений о преступлениях и возбуждения уголовного дела сохраняет свою роль водораздела между сведениями, полученными до и после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела: сведения, полученные «до возбуждения уголовного дела» либо в рамках процедур, не установленных УПК РФ, как правило, требуют уголовно-процессуальной «адаптации» или «интерпретации» путем производства следственных действий, чаще всего дублирующих так называемые проверочные действия.

Традиционные представления о правовом значении решения о возбуждении уголовного дела, по сути, являются «подменной тезиса», поскольку начало производства по уголовному делу с целью установления обстоятельств события и его первичной юридической квалификации далеко не тождественно началу уголовного преследования, содержанием которого является не только изобличение при помощи доказательств конкретного лица в совершении преступления, но и применение к этому лицу мер государственного принуждения, ограничение его конституционных прав и свобод.

Из всего сказанного следует, что существующий порядок доследственной проверки в совокупности с возможностью принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела является на самом деле не процессуальной гарантией от незаконного и необоснованного уголовного преследования, как это, очевидно, виделось авторам ст. 6 УПК РФ, а прежде всего отказом от уголовно-процессуальной формы установления события преступления и обстоятельств его совершения. А это, согласитесь, отнюдь не способствует решению подлинных задач уголовного судопроизводства, более того, фактически создает предпосылки для произвольного ограничения доступа к правосудию лиц, потерпевших от преступлений.

Соответственно, необходим принципиальный отказ от взглядов на возбуждение уголовного дела как на самостоятельную стадию процесса. Доследственная проверка должна быть заменена полноценным уголовно-

процессуальным расследованием (полицейским дознанием), что позволит отказаться от порочной классификации способов собирания сведений об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания, на процессуальные и непроцессуальные в зависимости от того, до или после возбуждения уголовного дела разрешается производство соответствующих действий. Поводом для начала расследования должен являться факт регистрации сообщения о преступлении. При этом порядок регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях, как и порядок представления следователю, дознавателю результатов оперативно-розыскных мероприятий, должен регулироваться нормами уголовно-процессуального закона, а не ведомственными инструкциями. Целью расследования на начальном этапе должно быть установление в событии признаков преступления и лица, его совершившего. Применение мер процессуального принуждения на этом этапе невозможно, за исключением обязательства о явке, привода и денежного взыскания, которые могут применяться к любому участнику процесса, если он препятствует уголовно-процессуальной деятельности. Следственные действия, ограничивающие конституционные права граждан, безусловно, должны проводиться под судебным контролем.

Завершаться этот этап должен возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица либо отказом от уголовного преследования и прекращением производства по делу.

Поскольку процессуальное решение как о начале уголовного преследования в отношении конкретного лица, так и об отказе от него должно приниматься на основе достоверных данных, полученных с соблюдением процессуальных гарантий прав и законных интересов граждан, объективно нуждается в изменении и подход к уголовно-процессуальному регулированию процесса доказывания. В частности, целесообразно унифицировать требования к процессуальной форме доказательств, устранить различия в этой части между уголовным, гражданским, арбитражным и административным процессом. Это обеспечит возможность свободного перехода одного и того же доказательства из административного производст-

ва в уголовное дело, из уголовного дела — в гражданское и т.д., без необходимости дополнительно придавать ему новую процессуальную форму, соответствующую той или иной отрасли процессуального права. Такая унификация должна проводиться с учетом обеспечения процессуальных гарантий конституционных прав личности, которые на сегодняшний день наиболее полно представлены в уголовно-процессуальном порядке производства следственных действий.

Например, порядок назначения и производства экспертизы, предусмотренный ст. 79—87 ГПК РФ, ст. 82—87 АПК РФ, ст. 26.4—26.5 КоАП РФ, в целом аналогичен предусмотренному главой 27 УПК РФ, включая право заинтересованных лиц (потерпевшего, гражданского истца, подозреваемого, гражданского ответчика и их представителей) знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, с заключением эксперта, право заявлять ходатайства относительно кандидатуры эксперта, о постановке перед ним дополнительных вопросов. К числу принципиальных отличий, свойственных только уголовному процессу, стоит, пожалуй, отнести лишь наличие перечня обстоятельств, для установления которых производство экспертизы является обязательным (ст. 196 УПК РФ), и наличие дополнительных гарантий прав лиц, подвергающихся экспертному исследованию (ч. 4 ст. 195 УПК РФ).

Следует отметить, что порядок собирания, проверки и использования в судебном доказывании сведений из источников, фигурирующих в УПК РФ под собирательным названием «иные документы», значительно подробнее проработан в нормах ГПК РФ, АПК РФ, а отчасти и в КоАП РФ. Речь идет о порядке собирания (истребования), представления и исследования в ходе судебного разбирательства письменных и электронных документов (ч. 5—7 ст. 67, ст. 71 ГПК РФ, ч. 1 ст. 41, ч. 6 ст. 71, ст. 75, 89, 126 АПК РФ, ст. 26.7, 26.9 и 26.10 КоАП РФ), аудио- и видеозаписей (ст. 77 ГПК РФ)³.

³ Подробнее об этом см.: Калугин А. Г. К вопросу о рационализации порядка уголовно-процессуального доказывания // Современное право. 2011. № 7. С. 124—127; Калугин А. Г., Цуканов Н. Н. О возможности использования опыта нормативно-правового регулирования производства по делам об админист-

Думается, что этот опыт следовало бы использовать для совершенствования уголовно-процессуального законодательства с целью максимально возможной унификации проце-

дур собирания и представления доказательственной информации. Окончательное признание представленных сторонами сведений доказательствами должно принадлежать суду.

ративных правонарушениях в оптимизации порядка уголовно-процессуального доказывания // Публичное и частное право. 2011. Вып. 2 (X). С. 156—163.

Библиография:

1. Калугин А. Г. К вопросу о рационализации порядка уголовно-процессуального доказывания // Современное право. — 2011. — № 7. — С.124—127.
2. Калугин А. Г. Недостатки юридической конструкции института досудебного соглашения о сотрудничестве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): материалы междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — М. : АУ МВД России, 2015. — Ч. 1. — С. 341—347.
3. Калугин А. Г. Проблемы доказывания при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. Н. С. Алексеева (28—29 июня 2014 г.). — СПб. : ЦСПТ, 2015. — С. 328—336.
4. Калугин А. Г., Цуканов Н. Н. О возможности использования опыта нормативно-правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях в оптимизации порядка уголовно-процессуального доказывания // Публичное и частное право. — 2011. — Вып. 2 (X). — С. 156—163.

References (transliteration):

1. Kalugin A.G. K voprosu o ratsionalizatsii poryadka ugovovno-protssessual'nogo dokazyvaniya // Sovremennoe pravo. — 2011. — № 7. — S. 124—127.
2. Kalugin A.G. Nedostatki yuridicheskoi konstruksii instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskiye, pravovye i kriminalisticheskiye aspekty (k 60-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy): materialy mejdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 ch. — M. :AUMVDRossii, 2015. — Ch. 1. — S. 341—347.
3. Kalugin A.G. Problemy dokazyvaniya pri osushchestvlenii proizvodstva po ugovovnomu delu v sokrashchennykh formakh // Obvineniye i zashchita po ugovovnym delam: istoricheskiy opyt i sovremennost': sb. stateiy po materialam mejdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya rojd. prof. N.S. Alekseeva (28—29 iyunya 2014 g.). — SPb. : TsSPT, 2015. — S. 328—336.
4. Kalugin A.G., Tsukanov N.N. O vozmojnosti ispol'zovaniya opyta normativno-pravovogo regulirovaniya proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh v optimizatsii poryadka ugovovno-protssessual'nogo dokazyvaniya // Publichnoye i chastnoye pravo. — 2011. — Vyp. 2 (X). — S. 156—163.

Материал поступил в редакцию 20 октября 2015 года.

The proof in the course of implementation of criminal proceedings in simplified forms: optimization or simplification?

Kalugin, Aleksey Gennadievich – PhD in Law, Associate Professor, Deputy Head of the Institute for Studies, Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia
[alexei_kalugin@mail.ru]
660131 Russia, Krasnoyarsk, ul Rokossovskogo, 20

Review. *The article analyzes the content of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation governing the simplified forms of criminal procedure (inquiry in a simplified form, a special procedure of rendering of a judicial decision provided the defendant admits the charges, including plea agreement). The author concludes that the reduction of case proceedings is achieved not due to the simplification of procedures but due to the reduction of the facts in proof, which entails extremely negative consequences for the entire system of criminal procedure. The article suggests some other ways to streamline the process of evidence: the rejection of the stage of the initiation of a criminal case with its “non-procedural” inspection activities and the use of criminal procedure form since registration of the report of a crime; harmonization of procedures of gathering and producing of evidentiary support which exists in criminal, civil, arbitration and administrative procedures. That shall make it possible to use the same source of evidence in criminal, civil or administrative cases without the need for further adjustment of it to a “new” procedural shape corresponding to a particular branch of procedural law.*

Keywords: *evidence; inquiry in simplified form; pre-trial agreement on cooperation; a special procedure rendering of a judicial decision.*